

18+

Евгений
Крашенинников

В правом нефе

Евгений Крашенинников

В правом нефе

«Издательские решения»

Крашенинников Е.

В правом нефе / Е. Крашенинников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515898-7

Прихожанин прихода святых апостолов Петра и Андрея Российской католической церкви византийского обряда, терциарий Ордена проповедников (доминиканского), член Совета ассоциации Una Voce Russia.

ISBN 978-5-00-515898-7

© Крашенинников Е.
© Издательские решения

Содержание

ДИСПУТЫ	8
Психология катехизации	8
Психологические проблемы активного участия в Литургии и понимания богослужения	12
Миссия в России и византийский обряд	18
Парадокс традиционализма	21
Любовь как действие	24
Развивающая догма	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

В правом нефе

Евгений Крашенинников

*Посвящается моей бабушке Арише —
Ирине Ивановне Ряховской,
которая на руках принесла меня в Церковь*

© Евгений Крашенинников, 2020

ISBN 978-5-0051-5898-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я не богослов, не религиовед, не священник. Но вот пишу о жизни церковной. Чтобы понять, с чего бы я набрался такого окаянства, хорошо, наверное, сначала познакомиться. Но чтобы мой светлый образ не заслонял неочевидное содержание этой книжки, свой портрет я повешу в крипте, . **в последнем разделе**

же размещены заметки на разные темы церковной жизни; в первую очередь, связанные с жизнью католической общины России. Это не отклики на злобу дня; это размышления на темы, которые, подозреваю, будут актуальными и в дальнейшем. И пишу я о них с точки зрения психологии, так как психология – моя профессия. А психология людей, приходящих в храм, к сожалению, зачастую в Церкви не учитывается (иногда – и на беду – подменяясь психотерапевтическими практиками разной степени ценности – часто сомнительной; или же просто бытовыми представлениями, исходящими из «здорового смысла», под которым подразумевается субъективно-спонтанное видение окружающих со своей колокольни различной высоты и разного архитектурного изящества). Часть этих заметок размещалась в печати, часть в группе «Дом на Камне» в фейсбуке – в любом случае, всё можно найти в доступе и . **В первой части открыто бесплатно**

И жанр их – диспуты, а не проповеди.

У известного нобелевского лауреата по литературе Уинстона Черчилля есть книга «Мои великие современники». Меня в своё время поразило в ней то, что он очень хорошо отзывался о тех, с кем всю жизнь боролся, кто поливал его грязью и оскорблял предпоследними словами, и перед кем он сам не оставался в долгу, оттачивая на них своё остроумие. Причём это были его реальные враги – враги его дела; когда побеждали они, то последствия для Британии и человечества становились трагическими (по мнению Черчилля – да и не только его).

Но писал он про них хорошо не в силу общей своей благостности (Черчилля видели? этот таран?), а, как мне кажется, по другой причине. Он доверял интеллектуальной честности своих противников. Не интеллекту – у него были основания считать некоторых из них кретинами, не понимающими элементарного; а именно тому, что они действительно хотели сделать, как лучше – как им представлялось лучшим. Не денег заработать (хотя попутно и деньги могли прибавляться); не перед дамами покрасоваться или перед микрофонами на радио; не привлечь к себе внимание будущих историков... Было доверие к их добросовестности. И ошибки были именно ошибками, а не злонамеренным преступлением против страны или человечества.

Возможно, это моя иллюзия в отношении Черчилля. Возможно, мотивы хорошего описания бывших противников были иными. Но меня не он сейчас интересует, а именно это возможное отношение к оппонентам: с доверием к их интеллектуальной добросовестности. К тому, что они ищут истину в полную меру своих знаний и своего мышления. С доверием к доброй воле спорящего.

Такую же картинку, но уже в отношении богословского спора и не с живыми противниками, а с мыслителями прошлых веков я увидел в книжке отца Георгия Флоровского «Пути русского богословия» (о ней я ещё вспомню во второй части этой книжки). Отец Георгий мастерскими абзацами представляет богословов (и атеистов) прошлого как очень живых людей, мучительно ищущих истину. И поэтому даже какой-нибудь Чернышевский, к взглядам которого автор никакой симпатии испытывать не может, описывается с сочувствием: он искал, он ошибался; да, он вводил в соблазн и много принёс вреда, но он искренне искал истину. Понятно, что искренность не оправдывает заблуждения и вреда, этим заблуждением приносимого. Но в случае добросовестного поиска истины, ошибающегося можно жалеть, а не просто гвоздить ярлыками.

И в наших религиозных спорах, в которых люди быстро слетают не только с путей логики, но и даже каких-то общепринятых светских правил приличия; когда люди, с пеной и жаром расписывающие необходимость любви, понимания и терпения, прямо посреди этих излияний наезжают на оппонентов («наглецы!», «без вас разберёмся!», «да кто ты такой!», «да сколько тебе лет!», «не смейте меня учить!», «посмотрите на себя!», «покопайтесь в своих грехах!», «представьте список своих добрых дел!») – в наших спорах тоже очень важно различать тех, кто ошибается, и тех, кто пришёл в разговор потроллить; мимоходом оскорбить, чтобы потом с невинным видом сказать «так я ж не то имел в виду, что прочитали все, кроме меня...»; привлечь внимание к себе и отвлечь от темы обсуждения и т. п.

Но ведь вторые всё-таки встречаются редко (и даже в каких-то явных случаях всегда есть подозрение: а, может, это просто от того, что человеку сейчас плохо; и нужно просто немного потерпеть, и он успокоится). А первые же и составляют большинство тех, кто общается друг с другом – и спорит на накале страстей, потому что темы-то важные – жизнь вечная, спасение души, проблемы со свекровью, пьющий племянник (это без шуток, без стёба).

Понятно, что добросовестность должна включать стремление к истине; уважение к знанию; использование логики. Но ведь это не лёгкие вещи. И любой из нас может допустить логическую ошибку; опереться на недостоверный источник; да просто быть выпимши в момент постукивания по клавишам. И катехизация, как выясняется (да и так всем известно), не бывает идеальной. И авторитеты могут говорить противоположное истине (но мы же были уверены, что это – авторитет, раз он на гитаре душевно играет и преподаёт церковные дисциплины). И книга, купленная в церковной лавке, может оказаться еретической, а ересь – термином кодекса канонического права. И пользоваться источниками нас не научили (и различать статус источников: где про неизменную веру Церкви, а где про дисциплинарные нормы). Ведь на самом деле: человек может просто не догадываться о каких-то вещах, знание которых нам кажется элементарным, раз они в программе катехизации есть.

И даже если понимаешь, что не можешь его переубедить, то ведь молиться за него можешь? Помолимся о тех, с кем сводит нас тропа нелюбви в интернет-пространстве. В реальной жизни улыбки и глаза всё-таки приостанавливают брань бездуховную.

разговор пойдёт о книгах, которые помогли мне искать себя. Разумеется, здесь будет рассказано не обо всех; конечно, лёгкие заметки отразят лишь малую часть впечатлений. Какие-то книги были главными и важными; что-то я просто недавно прочитал. Я думаю, каждый может собрать картинку нынешнего понимания своей веры в том числе и из такой неожиданной мозаики неслучайно прочитанных книг. Ведь книга становится нашей, начинает жить и действовать в человеке, если совпадёт с чем-то главным – а потом уже будет нас менять и преобразовывать. О книгах с религиозным содержанием трудно писать – всё время боишься впасть в избыточную высокопарность. Так что прошу простить, если отзывы о прочитанном покажутся слишком серьёзными, а автор – занудным ханжой; весёлые беседы никуда же не деваются и остаются для личного общения и встреч во двориках наших храмов. **Во второй части**

До встречи в церкви.

До встречи в Церкви.

ДИСПУТЫ

Психология катехизации

1

Мысль поговорить о катехизации вызревала давно. Но всегда останавливало то, что ситуация, когда всё-таки сторонний человек начинает высказываться по какой-то проблеме, смотрится не очень хорошо. А так как я с огромным уважением отношусь к труду сестёр и священников, работающих с детьми и взрослыми (и не понять, с кем труднее), то и быть воспринятым в качестве ещё одного, кто пытается научить, сам не попробовав, не хотелось бы. Но так как всё-таки я всю жизнь работаю в образовании и как раз одной из больших проблем современной Церкви (и конкретно катехизации) считаю то, что мы не учитываем, что психология уже давно изучила и поняла, то я и решил написать эти короткие заметки. Надеюсь, они будут приняты с пониманием.

А непосредственным поводом для того, чтобы сесть за клавиши, послужил комментарий отца Игоря Ковалевского к одному псевдоглубокомысленному обсуждению в фейсбуке некоей проблемы, где отец Игорь резонно отметил, что вообще-то всё это должно было стать понятным участникам разговора ещё в процессе катехизации; при этом на катехизации не рецепт должен был быть дан (хотя в любом молитвеннике в руководстве для подготовки к исповеди есть и конкретный ответ), но должно было сложиться понимание из катехизиса, как искать ответы на подобные нравственные дилеммы.

2

Когда кто-либо из обсуждающих сложные (или элементарные) вопросы церковной жизни или морального поведения ссылается на Катехизис Католической Церкви, это зачастую вызывает шквал возмущения. И не только у некоей самовлюблённой в собственную незыблемую правоту части публики, для которых фраза «я имею право на собственное мнение» означает «я имею право городить любую безграмотную невежественную ахинею и богоданным правом этим не поступлюсь». Но некое отторжение обращение к Катехизису и цитирование его положений вызывает и у вполне себе здравых людей, не замеченных в психопатологическом самолюбовании и вполне обладающих церковным мышлением. И происходит это от небольшой даже не ошибки, а смещения понятий. Бог сотворил человека по образу и подобию Своему; Бог дал человеку разум; Бог наделил человека способностью искать и находить истину – тогда почему же мы должны ограничивать себя и превращаться в начётчиков, цитирующих параграфы и пунктики, вместо того, чтобы свободно мыслить и искать истину?

Но дело в том, что мышление не противоречит тому, чтобы использовать имеющееся знание тогда, когда мы точно уверены в том, что это истинное знание. Умный человек – это не тот, который про всё имеет своё личное мнение. Когда героиня «Иронии судьбы» говорила, что учит своих учеников думать и про всё иметь собственное мнение, она имела в виду конкретную ситуацию: страна, в которой вместо истины подставлялась единообразная ложь, и уроки литературы, на которых сложное содержание сводилось к примитивизированным «образам дуба», «лучам света» и «роще, которая говорит не просто языком, но берёзовым, и не простым берёзовым, но весёлым!» Но вот про дважды-два можно иметь чужое мнение – арифметическое. И про год рождения Лермонтова тоже можно иметь общее мнение, а не своё.

Своё мнение необходимо там, где передо мной поставлен сложный вопрос, на который необходимо ответить, а ответа нет; при этом у меня есть некоторые основания считать, что моя версия может быть правильной. В большинстве ситуаций нашей жизни правильные ответы известны заранее (проснулся – сунул ноги в тапки, а не в холодильник; поставил кастрюлю

на плиту, а не в стиральную машину; надел шляпу, а не сковороду...). Но есть некий процент ситуаций – и при этом важных! – в которых необходимо уметь думать, искать и принимать правильные (а не любые пришедшие в голову) решения.

3

А теперь возвратимся к катехизации в русле педагогики и психологии.

Образовательные программы бывают трёх типов: направленные на то, чтобы дать знания, воспитать некие моральные качества или развить способности. Способности отличаются от знаний тем, что знания применяются только в той сфере, в которой формируются (знания по математике применяются при работе с математическим содержанием – пусть даже в лингвистике или биологии, но именно с математическим), а способности – в любой (если на математике развивается анализ, то это помогает и в понимании поэзии, и в баскетболе, и в решении конфликтов с родителями и т. п. – при этом ни числа, ни формулы в размышлениях не употребляются). При этом нельзя составить программу, в которой по тридцать три процента времени букет уделено достижению каждой цели (знания на треть – это двойка; мышление на треть – это умственная отсталость; нравственный поступок один из трёх – это мерзавец). Но можно выбрать такой способ обучения, который поможет человеку развиваться; поможет ему становиться в позицию субъектную – то есть самому потом в сложной ситуации уметь совершать нравственный выбор, искать знание или порождать творческое решение.

4

Когда обсуждаются проблемы катехизации, обычно разговор идёт в двух направлениях.

Первое направление: люди (дети или взрослые), прошедшие катехизацию, оказываются не очень грамотными, знают мало, допускают грубые ошибки – причём, часто элементарные, фактические. И тогда разумным кажется увеличить сроки катехизации, чтобы всё-таки лучше изучить основы нашей веры. Этим путём обычно идёт и школьное образование, когда обнаруживается, что дети плохо знают физику и биологию; и этот экстенсивный путь никогда не решал проблем; как и увеличение временных затрат на катехизацию не улучшит её результатов. По одной простой причине: а каков тот минимум, который необходимо точно твёрдо знать каждому католику? Катехизис в полном объёме? Нет: ни за год, ни за два не выучить. А тогда какой? Мы всегда выбираем некий объём, про который решаем, что уж он-то точно необходим, а потом обнаруживаем, что многое другое тоже важно. Но и необходимое невозможно выучить, потому что катехизация – не европейский университет, где могут половину отсеять за двойки; здесь же всё равно большинство будет допущено к таинствам. Кроме того, в большой группе всегда будут очень разные люди со своими вопросами; разговоры всегда (с неизбежностью) будут уводить от темы; кто-то будет захватывать общее пространство, и его нельзя будет сразу остановить, потому что человек пришёл в Церковь, и хочется, чтобы он остался, а значит надо дать ему выговориться и т. п. И поэтому время для изучения будет всегда принципиально меньше запланированного.

Второе направление обсуждения: на катехизации должна состояться личная встреча с Христом. Пусть не всё узнают (прочитают потом), пусть не всё поймут – но вот это главное переживание должно случиться. Это очень сильный ход; но его проблема ровно та же, как у образовательных систем, ставящих перед собой воспитательные цели: а как это сделать? Если бы можно было организовать месячные духовные упражнения по системе святого Игнатия... Но ведь в них участвуют тоже не любые люди с улицы; там тоже подготовка нужна... Как сделать так, чтобы у двадцати (шести; тридцати четырёх; одного...) непохожих людей со своим опытом, со своими вопросами, со своим путём в христианстве и вере, со своими переживаниями и жизненными проблемами – чтобы у каждого из них случилась эта – своя – встреча? Да, это возможно. Но это будет всегда чудо.

И есть третий тип образования – развивающее. Образование, которое ставит целью дать человеку не знания или некий опыт переживания, а способы поиска, чтобы, когда он окажется

в сложной (или простой) ситуации, где нужно будет искать ответ, он знал или где ответ искать или как ответ искать (это два разных процесса, но связанных друг с другом; и главное осуществлять их именно в этом порядке: сначала посмотреть, есть ли ответ – и посмотреть в правильном месте; потом искать ответ – и искать правильными методами). И вот тут мы опять возвращаемся к Катехизису Католической Церкви, но уже не как к сборнику готовых ответов (хотя это как раз лучший сборник готовых правильных ответов), но как к средству развития мышления, а соответственно и средству настоящей, эффективной, интенсивной катехизации, для которой не важно увеличение сроков, а важна постановка главных процессов христианского сознания.

5

Любой вопрос на такой катехизации рассматривается в четыре этапа:

1) («Может ли католик участвовать в войне?», «Обязательно ли каждое воскресенье посещать Мессу?», «Можно ли католику курить?», «Можно ли причащаться у православных?», «Надо ли подавать „нищему“ в метро?», «Возможно ли спасение в лютеранских общинах?», «Отличалась ли вера Моисея и вера Павла?» и т.п.); при этом не важно, задан вопрос катехизатором согласно программе или рождён катехуменом в процессе разговора; **возник вопрос**

2) предлагается и сказать, по вашему предположению, (это очень важно: не как вы лично считаете, а как Церковь отвечает); разумеется, у катехуменов ещё нет знаний; разумеется, они будут незаметно для себя подставлять свои личные суждения вместо попытки подумать, какова может быть позиция Церкви – но очень важно чтобы эти суждения были высказаны вслух; **подумать как отвечает на этот вопрос Католическая Церковь**

3) открыть Католической Церкви и на поставленный вопрос; катехизатор при этом не обязан знать ответы на все вопросы с точки зрения Катехизиса; он должен уметь в нём ориентироваться, он должен уметь в нём искать ответы, пользоваться предметным указателем; понимать, какие разделы являются общими: то есть исходя из них интерпретируются конкретные, частные вопросы; **Катехизис найти в нём ответ**

4) а вот после этого обязательно происходит обсуждение и осмысление: первоначальные (а на первых этапах они чаще всего будут не совпадать); что такого мы не видим важного, что не позволяет нам выстраивать свою жизнь так, как выстраивали бы святые или сам Господь. **почему наши ответы не совпали с церковными**

Очень важно при использовании этого метода, что ответы даёт не катехизатор (который всего лишь человек, и ответы которого при всём уважении к нему часто воспринимаются именно как варианты ответов хорошего, умного человека, но не как ответы истинные – к которым надо не просто прислушаться, но и следовать им).

6

Каковы главные результаты такой катехизации?

Во-первых, она направлена на формирование церковного сознания. Человек не остаётся один на один со своими проблемами; он знает, что Святой Дух существует в реальной Церкви, которая может помочь ему как ответами на вопросы, так и подсказками для поиска правильных ответов. У Церкви есть вечное учение, которое отражено в Катехизисе; и ты всегда можешь к нему обращаться; можешь размышлять, почему Церковь считает именно так – и идти спрашивать у священника или обсуждать с друзьями, но помня, что написанное – не случайные философские фразочки, а вечные христианские истины, нашедшие свои формулировки, отточенные двухтысячелетним опытом Церкви.

Во-вторых, человек учится использовать своё мышление – именно использовать мышление, а не лелеять гордыню, подставляя результаты своего случайного опыта на место универсальных ответов. Он будет понимать, что главное в Церкви – найти истину, а не придумать совпадения со своими субъективными представлениями о прекрасном. Церковь показывает полноту истины; человек же зачастую замечает лишь некоторые стороны действительности.

Опыт человека ограничен; опыт Церкви целостен. И разум стремится к охвату всей картины; к поиску ответов, исходя не из временных, конкретных, сиюминутных оснований, а из общих, универсальных принципов. А их нужно учиться применять. В Катехизисе не будет ответа, как относиться к конкретной войне или к конкретной революции – но там будет описано, как выстраивать своё отношение к каждой новой войне и к каждой новой революции; и эти отношения могут совпасть, а могут быть разными. В Катехизисе будет описано, что такое добро и как оценить добрый поступок: но в нём не будет рассказано всё то, что ты знаешь про твоего соседа, и тем более не будет рассказано о том, что ты про него не знаешь. Но он поможет тебе принять правильное решение в выстраивании ваших взаимоотношений. Он не застрахует тебя от ошибок. Но он расскажет тебе про исповедь и прощение.

И человек научится сам находить правильные ответы даже тогда, когда Катехизиса не будет под рукой.

Психологические проблемы активного участия в Литургии и понимания богослужения

1

К сожалению, психология для Церкви не является актуальной наукой. Вернее, ссылаются на неё много; но, , чаще вспоминают сомнительные психотерапевтические практики, эффективность которых не доказана, а результат зачастую вполне далёк от того, что должно желаться верующему христианину, а, , это психологическое знание применяется при обсуждении обычных психологических проблем людей, а не именно специфически церковных. *во-первых во-вторых*

При анализе же вопросов, связанных с церковной жизнью, мы до сих пор сталкиваемся с ригористическими утверждениями «человек должен» безо всякого понимания того, что это «должен» базируется на «может», «способен»; с отрывом человека от его телесной природы и апелляциям исключительно к его духовной стороне.

– Вам не нравится, что девушки ходят в храм в слишком коротких юбках? Отвернитесь и думайте о духовном!

– Вас возмущает изображение Спасителя из болтиков и шестерёнок? Лучше думайте о вселенской любви!

– Вы хотите возвышенной музыки и художественной живописи? Любуйтесь пустотой стен, чтобы не отвлекаться от созерцания вечной истины!

Забывание простого факта, что со всеми своими органами чувств, свойствами памяти и мышления, возрастными особенностями и никуда не девающейся зависимостью от социальной среды часто приводит к мифологическим ожиданиям, которые постоянно всплывают при обсуждении множества вопросов. Да, разумеется, человек способен действовать вопреки своей телесности, человек даже способен жертвовать жизнью за убеждения, но для этого он должен пройти долгий путь развития, которое происходит в как раз в процессе опоры на телесное, на психологическое. , путём знакового опосредствования, что было открыто в психологии ещё в 20-е годы прошлого века. Поэтому психолог обсуждает не цели («как бы хотелось, чтобы все люди...»), а средства их достижения, эффективность которых будет не просто случайна для небольшого количества избранных, а применима к большинству людей. *человек есть человек Любая внутренняя способность (восприятие, мышление, эмоции) появляется через овладение внешними знаками*

2

В данном разговоре я не буду касаться никаких богословских вопросов, так как не являюсь специалистом в богословии. Я буду говорить . О психологических проблемах активного участия в Литургии и понимании богослужения. Эти проблемы часто связаны с рефлексией литургической реформы, когда богослужение было переведено на народные языки как раз с целью большего понимания происходящего Народом Божиим и увеличением активного участия прихожан в священнодействии. В этой области количество мифов и предрассудков, вытекающих из оторванных от реальности представлений о психологии человека, огромно; и это приводит к тому, что несущественное ставится во главу угла, мешая пониманию реальных проблем и их продуктивному решению. *только о психологии*

И первая ошибка происходит из очень странного понимания активности, противоречащего принятому в психологии.

Можно понимать активность, как внешнюю, физическую. Но психологическая предполагает, во-первых, действия (то есть человек сам ставит цели, сам определяет средства их достижения) и, во-вторых, (то есть отличие твоей деятельности от деятельности других). **активность субъектность индивидуальность**

Если люди долго ходят строем, мощно впечатывая ступни в песок и иногда переходя на бег приставными шагами, то мы, несмотря на то, что шагающие и бегающие интенсивно потеют и потирают усталые мышцы, *. не можем вести речь об их активной позиции*

Если люди хором поют у костра одинаковые песни и автоматически подхватывают знакомый припев, когда он вдруг оборвался в радиотрансляции, или все вместе договаривают на автомате за произносящим концовку анекдота, то мы, сколько бы ни была реально хороша эта песня или сомнительно завершение анекдота. *не можем вести речь об их активности*

Если люди мгновенно по команде принимают упор лёжа, то они, хотя и выполнили приказ в доли секунды. *пассивны*

Это не означает, что совместные одинаковые действия всегда плохи: македонская фаланга прошла до Инда. Но не за счёт активности участников, а как раз за счёт их пассивности и подчинения своему гениальному полководцу. Это не означает, что при исполнении хором песен человек всегда не активен: ему может действительно нравиться эта песня, он может петь её вполне осознанно, он даже может справедливо считать, что именно совместное исполнение придаёт данной песне необходимую по смыслу мощь – но чтобы доказать наличие такой активности конкретного человека требуются её дополнительные проявления и средства их обнаружения.

Активность всегда связана с : пониманием того, что делаешь. И идея Суворова, что «каждый солдат должен понимать свой манёвр», требовала развития активности конкретного солдата, так как в русско-турецких войнах и на Сен-Готарде мало было железной македонской дисциплины. **пониманием**

При этом понимание не заключается в бубнеже наизусть пункт за пунктом в правильном порядке устава караульной службы. Солдат может вообще не уметь читать, чтобы самостоятельно правильно среагировать на штатную, а тем более внештатную ситуацию. Он должен как раз понимать эту ситуацию целостно, понимать её смысл, суть, понимать исключения.

Если человек выучил наизусть «Евгения Онегина», значит ли это, что он его понял? Не очевидно. А аплодирующие на концерте Высоцкому в Париже французы, не знавшие русского языка – значит ли это, что они ничего не поняли и хлопали из вежливости? Неизвестно; вполне возможно, что они смогли понять самое главное – то, что уже утерялось при сотом прослушивании соотечественниками Высоцкого.

3

А теперь, определив понятия, перейдём к нашему участию в Литургии – активному участию.

Если люди хором повторяют какую-то молитву еженедельно под одну и ту же мелодию – означает ли это, что степень активности их участия в Литургии выше, чем у тех, кто индивидуально молится на своей скамейке в то время, когда священник у алтаря шёпотом читает тайные молитвы? Разумеется, нет. Даже если они начнут хлопать в припеве псалма или братья за руки при чтении «Отче наш». Обратите внимание: я не сказал, что эта степень активности точно ниже. Я просто говорю, что пока у нас нет никаких оснований говорить об активности этих людей. Чтобы доказать, что они активны, нужно обнаружить, что прихожане реально понимают смысл своих литургических действий – причём именно тот, который вкладывается в Литургию Церковью.

Поэтому я предлагаю простой тест.

На каждой Мессе латинского обряда произносятся слова «Исповедую перед Богом всемогущим и перед вами, братья и сёстры...» И потом: «Поэтому прошу блаженную Приснодеву Марию, всех ангелов и святых и вас, братья и сёстры...» Вот скажите, если мы в жизни к кому-то обращаемся и тем более о чём-то его просим, то что мы делаем сначала? Разумеется, поворачиваемся к нему, смотрим на него. А теперь вспомним, что мы делаем во время Мессы, когда просим братьев и сестёр молиться о нас. Подавляющее большинство (не 51%, а практи-

чески все – я за церковную жизнь видел только два исключения), произнося текст молитвы, продолжает оставаться в том же положении, что и раньше, и смотрит в спину впереди стоящего либо в сторону алтаря и священника. Но ведь те, кого мы просим, вокруг нас! Значит, если это не абстрактный текст, обращённый ни к кому, а реальная просьба к братьям и сёстрам по вере, то логично обернуться к ним, посмотреть на них. А если мы этого не делаем, то никаких подтверждений, что мы понимаем происходящее на Литургии и произносимое ежесекундно, увы, нет.

Но так как многие убеждены, что если я знаю словарное значение каждого произносимого слова, то значит и понимаю происходящее, то и мысли не возникает, что . Разумеется, есть исключения. Разумеется, есть те, кто читает книги отца Томаша Кветеня или кардинала Люстиже, чтобы лучше понять Мессу. Только сама Месса не подталкивает к этому; она создаёт . *Литургия нуждается в понимании, несмотря на «понятность» текста* **ИЛЛЮЗИЮ ПОНЯТНОСТИ**

4

Когда служение Литургии, вопреки Конституции Второго Ватиканского собора), было повсеместно переведено на народные языки, то . Благое намерение, что теперь Литургия станет понятнее, превратилось в подспудное, часто не проговариваемое вслух, но проявляющееся в реальных действиях убеждение, что она уже понятна и, значит, её долгое, кропотливое, трудное понимание Народом Божьим особо и не требуется. Кто у нас регулярно занимается литургическим образованием прихожан после «курса молодого бойца» на катехизации? Знаю одного священника (правда, не латинского обряда); знаю одного мирянина, выпустившего книгу о Пасхальном цикле (его все знают) ... А кто ещё: , так как в Литургии совершается дело нашего искупления? Наверное, есть, но точно не все, не большинство, не часто... («*Sacrosanctum Concilium*», 36, §1 *возник эффект ровно противоположный ожидаемому систематически, регулярно, считая это важным делом*

Когда Литургия служилась на латинском языке, у прихожанина ; сам язык свидетельствовал о том, что здесь остаётся . При этом для верующего, как был бы при участии в Литургии на русском, чешском или французском. Когда мы оказываемся в другой стране или на Мессе в англоязычной группе, мы же понимаем, что происходит? На итальянской Мессе мы же понимаем, что сейчас Церковь участвует в совершении бескровной Жертвы? На венгерской мы догадываемся, что в этот момент возвещаем смерть Господа, пока Он не придёт, и возобновляем Завет Господа с людьми? На французской мы уверены, что на наших глазах происходит величайшее чудо Пресуществления хлеба и вина в Тело и Кровь Христа-Спасителя? Так же и на Мессе на латинском языке люди были в курсе этого. (Или не были, как могут и не быть в курсе католики, участвующие в русскоязычных богослужениях и читающие этот текст). Просто вопреки убеждению некоторых людей, что «раньше всё было на латыни, и как же люди жили...», на латыни было не всё: Библия была переведена задолго до Второго Ватиканского собора, бессчётное количество книг существовало на всех языках веками, проповедь произносилась на родном языке (и это было обязательным требованием ещё Тридентского собора), в воскресных школах разговаривали так же, как дома – ну и молились люди Господу об урожае, об излечении от болезней, о горестях и радостях на родном португальском, польском или китайском. *мысли не было, что он понимает всё тайна смысл Литургии мог быть так же ясен*

. Раньше верующие знали, о чём говорится в постоянных, несменяемых частях Мессы – так же и сейчас (знать содержание «Pater noster» и «Sanctus» так же легко, как и на родном языке; понимать их смысл так же сложно или просто на любом). Раньше верующие не понимали (и даже не слышали) молитв священника, распевая проприй или молясь в это время индивидуально (то есть самостоятельно,). Сейчас верующие слышат слова священника на родном языке, но вот, положив руку на сердце, какой процент прихожан слово за словом следит за этим

текстом, а не думает в это время о своём – сакральном или светском? И это не характеризует их дурно; психологии восприятия. *Степень понимания происходящего на Мессе ничуть не увеличилась с переводом Литургии на «понятный» язык активно это норма*

Но всё равно мы постоянно сталкиваемся и в интернете и в реальной жизни, например, с высокомерным обсуждением католиками особенностей византийского обряда Русской православной церкви, в котором молятся на церковно-славянском языке: бормочут заклинания... Правда, часто ровно те же самые католики с одобрением относятся к харизматическим практикам, в которых присутствует «говорение на языках», в которых уж точно ни языка никакого нет, ни понимания... *мол, мы понимаем всё, а они*

5

Какие слова чаще всего повторяются хором прихожанами на Мессе? Многократно. Сколько раз я просил мирян объяснить, что означают слова эти – и практически всегда вгонял вопрошаемого в некий ступор. Люди, для начала, не всегда могли сразу решить: это о священнике или о Духе Святом. А если мы говорим священнику «и со духом твоим», то что есть этот «дух священника»? *Когда мы попадаем в иллюзию «понятности», мы прекращаем развитие своего понимания «и со духом твоим».*

Открываем текст воскресной Мессы, читаем: . Какое число наших католических знакомых сможет внятно развести смыслы слов «благословляем», «поклоняемся» и «славословим»? Надеюсь, что никто хотя бы не скажет, что «славословить» – это говорить слово «слава»... Значит ли это, что если бы «Gloria» пелась на латинском, то она была бы понятнее? Нет, конечно. Но у нас, как минимум, не было бы иллюзии, что мы это полностью понимаем. *«Хвалим Тебя, благословляем Тебя, поклоняемся Тебе, славословим Тебя, благодарим Тебя»*

? Интересно послушать версии о хвале и славе посещающих Мессу на понятном языке... *«Во хвалу и славу имени Своего»*

Это я пока не взял... *«Символ веры»*

Кстати, кажется, никого особо не мучает, когда время от времени поётся на непонятном и неродном греческом... *«Господи, помилуй»*

А Евхаристические молитвы? Мы понимаем их текст? Да можно ещё конкретнее спросить: а многие знают, которую слышат раз в неделю? А многие ли, выходя с Мессы, скажут, Евхаристическая молитва? Если брать изменяемые части Мессы, то, в лучшем случае, кто-то вспоминает, какой был псалом (и вспомнит далеко не большинство), и немножко, про что были чтения, – и то, если они комментировались на проповеди (поэтому ветхозаветное чтение помнится очень редко – даже сразу, выйдя с Мессы в притвор храма). И о чём просили на молитве верных... *о чём говорится в Евхаристической молитве какая сегодня была*

И это ничья – это просто : знакомое, понятное, повседневное меньше обращает на себя внимание и меньше запоминается. *. не вина законы человеческого восприятия А как раз то, для чего требуется приложить усилие, для чего требуется напрячь свои способности понимания (то есть), и привлекает внимание и запоминается лучше **стать активными***

Где больше моей активности: когда я слышу чтения на родном языке или когда я, зная, что Месса на языке ином (во время поездки в Испанию, например), должен найти, какое чтение будет, скачать (распечатать, открыть ресурс в телефоне)? *заранее*

Когда я понимаю текст: когда слушаю чтения в едином для всех темпе да ещё с не всегда хорошо поставленной дикцией и иногда с иностранным акцентом или когда слышу чтения на непонятном полностью языке, но параллельно перечитываю в своём темпе ясно напечатанный и подготовленный мною заранее текст (и даже заранее прочитанный)? Наверное, кто-то уже обрадовался, подловив меня: в первом же случае понимание затруднено, а, значит, хотя бы активности больше. Да, если я не расслышал прочитанного на Мессе, то могу проявить активность и, придя домой, найти текст. Но какой процент будет это делать, когда Месса уже совершилась? Да и важные смыслы Литургии Слова, которая должна была меня подготавливать

к Литургии Евхаристической, уже утеряны. Поэтому ценнее активность : когда я ищу заранее текст, так как знаю, что понимание его – зона *. лучше до Мессы моей личной ответственности*

Иногда на это возражают, что не все же так поступят – и что тогда? Они останутся совсем без понимания? Ну, я уже намекал, что . Кроме того, если вечно принижать человека, приспособившись не к его немощи, а к банальной лени, то и от еженощного посещения Церкви толк будет небольшой – а нам же жить со всем нарабатанным инфантилизмом и духовной пассивностью. Но, если требуется, раздать нуждающимся распечатанный перевод чтений – не глобальная проблема в наше время. *суть понимания происходящего зависит от катехизации, а не от языка Литургии потом в миру*

6

Служение Литургии ни на каком языке, разумеется, не является дурным делом; плохо то, что Литургии на родных языках : увеличение активности и понимания, – тем самым как бы выводя за рамки действительной необходимости большую работу, направленную на развитие реальной активности и самостоятельности прихожан; развития их литургической культуры и понимания происходящего на Литургии. *приписывается то, что она дать не может*

Что может помочь человеку начать путь реального понимания, истинного погружения в те смыслы, которыми насыщена Литургия? Чтобы ответить на этот вопрос, надо просто вспомнить, обычно начинается процесс понимания? В тех, в которых его отсутствие очевидно; когда сама внешняя сторона события, явления предъясняет нам сложно организованное содержание. *в каких ситуациях*

Стихи нарушают законы обыденной речи – и именно поэтому про настоящие стихи люди реже рассказывают, кто что , потому что ясно, что хорошее стихотворение затрагивает смыслы, нуждающиеся в расшифровке, никогда не заканчивающейся. Стихи же, похожие на прозу (без символики, без сложных метафор, без неожиданных ритмических находок), можно петь хором под балалайку, но никаких новых откровений они нам не принесут. Обсуждать «иронические детективы» можно, если уж совсем нечего делать; обсуждать Гёте или Битова необходимо, если хотим в их тексты, исходя из нашего ограниченного опыта, а . *«правильно понял» не свои смыслы подставить обогатиться смыслами новыми*

Символически-насыщенное пространство храма и его убранства, музыка, несходная с обыденной, иконопись с её собственными законами – всё это те самые , через интериоризацию которых (извините за профессиональный термин), человек не просто узнаёт новое, лежащее , но и в этом процессе , развиваются восприятие и мышление, которые потом будут определять нашу жизнь храма. Это как раз и есть те , которые реально рассказывают о вере – настоящей, глубокой, насыщенной, жизненной, проникающей в потаённые уголки души. Сводить человека переживающего к человеку буквенному – упрощать духовную жизнь. Примитивизировать окружающее пространство значит примитивизировать человека, отказать ему в развитии, отказать в доверии к его потенциалу, оставить один на один с собственной случайно сложившейся субъективностью. *внешние знаки присвоение, расшифровку и понимание за пределами бытового опыта за пределами развивается сам языки*

. Оно происходит в процессе . И если мы хотим, чтобы люди (мы) лучше понимали Литургию, которая является сердцем нашей веры, то нужно не лёгкие пути искать, чтобы отмахнуться от реальной проблемы (чем и является, к сожалению, перевод служения Литургии на родной язык), а думать, как организовать катехизацию, общение между прихожанами и их (и своё) самообразование, чтобы всемогущий требовательный Бог не воспринимался как ветхозаветный пережиток, Господь наш Иисус Христос как «клёвый пацан», храм как место для тусовки и посиделок за кофе, а Литургия как... как каждому придёт в голову, исходя из своих желаний. *Понимание Литургии происходит не на Литургии катехизации, общения, самообразования*

Когда я говорю, что единые массовые действия на Литургии не свидетельствуют об активном участии прихожан, из этого не следует, что они вообще не имеют смысла. У них может быть иная ценность: например, переживание единства с другими. *Примечание 1.*

Если всё-таки задуматься, какой вариант Мессы более всего отвечает принципу активного участия Народа Божьего, то это будет, вероятно, «тихая Месса» в экстраординарной форме латинского обряда (так называемой «тридентской»), когда значительную часть времени священник читает тихо молитвы, а прихожане молятся индивидуально, каждый о своём. Это нисколько не разрушает понимание Литургии как «общего дела», так как личные молитвы, вплетающиеся в литургическую молитву священника, ничуть не хуже единых, хором произносимых. Это подтверждается и тем, что и в новой Мессе есть время и для молитвы индивидуальной, а не только для общей. *Примечание 2.*

Проблемы языка богослужения я касался только в контексте проблем активности и понимания. Разумеется, есть и другие вопросы, связанные с языком богослужения, и их тоже очень интересно рассмотреть не с мифологической стороны, а анализируя реальные ситуации, в которых находятся конкретные люди, живущие по непридуманным психологическим законам. *Примечание 3.*

Цитаты из Конституции «О Божественной Литургии» Второго Ватиканского собора даны в данной статье без кавычек, как давались бы без кавычек, например, ссылки на известные правила дорожного движения, хотя они и зафиксированы в каких-то нормативных документах. *Примечание 4.*

Миссия в России и византийский обряд

Я сейчас буду обсуждать византийский обряд только . Минусы и плюсы церковнославянского языка богослужения, традиции и особенности российской духовности можно обсуждать отдельно, но сейчас – в контексте миссии. *в контексте миссии только*

Есть людей в России, с которыми можно работать, которые могут прийти во Вселенскую Церковь (может, какую-то группу я упустил; но вот сейчас могу выделить четыре). **четыре группы**

О ничего не могу сказать (это – мусульмане, буддисты, индуисты и т.п.), так как просто очень мало в этом понимаю. Поэтому остановлюсь на трёх других. **четвёртой**

самая . Это люди атеисты, пофигисты, не задумывающиеся и т. п. да и просто невоцерковленные православные (кого в детстве крестили, и он уже больше не был в церкви; кто бывает там только на венчаниях и отпеваниях и т.п.). Когда эти люди приходят в Католическую Церковь, мы должны понимать, что они выбрали её не потому, что в тот момент, когда они заинтересовались христианством, католический храм оказался единственной христианской церковью в пределах доступности. Они, живя в России, стопроцентно в курсе о существовании православия; но к Христу пришли именно в Католическую Церковь. То есть . Но почему они его отвергли? Они же невоцерковленные и мало знают про Церковь? Значит, они ориентируются на внешние признаки: или на реалии (как себя ведёт патриарх, что там по ТВ заявляют иерархи, какие часы кто носит, сколько «голубого лобби» отловил Кураев и т.п.) или на (свечи, платки, одеяния, пение и т.п.). И в Католическую Церковь часто приходят признакам (и это понятно): на русский язык богослужения или на латинский, на тэзэшные песни или григориану, на новое храмовое искусство или готику, на улыбающегося папу или средневековые капюшоны монахов... И в отношении них византийский обряд в Католической Церкви абсолютно бесперспективен – он может только отпугнуть. Да, потом, через месяцы или годы они смогут осознанно отнестись к нему – но уже будут в это время в обряде латинском. **Первая группа далёкие от Церкви многочисленная : они уже совершили выбор и православие отвергли политические внешние формы тоже по внешним**

(Да, я говорю об , а не отдельных уникальных случаях, которые, конечно, бывают, но которые предугадать нельзя, и поэтому нельзя учитывать в планировании деятельности). *общей тенденции*

самая – . Это могут быть целые приходы (святых Космы и Дамиана, Успения в Москве), или группы из разных мест (преображенские – «кочетковские» – братства), или отдельные люди. Они участвуют в совместных с католиками мероприятиях, ходят в католические паломничества, причащаются на Мессах вопреки нормам РПЦ, любят Папу. И у них о том, чтобы в католичество переходить, потому что они в единой Церкви. Если мы с ними согласны, то и миссия среди них не нужна; если не согласны, то она практически бессмысленна. Та же церковь святых Космы и Дамиана – это, по сути, Церковь святых Космы и Дамиана. В таких общинах прихожан мало волнует позиция РПЦ (не с точки зрения моральной оценки, а для выстраивания); они живут своей богатой духовной жизнью; у них своя экклезиология. И уходить из своего славного прихода в принципиально менее содержательно насыщенный (это всё-таки факт) любой католический российский приход они не будут. Их не только византийский обряд в Католической Церкви не волнует, но и латинский. Для них все эти переходы – формальность; они сами определяют свою принадлежность, именно потому, что там индивидуальный, субъективный дух преобладает (или общинно-субъективный). **Вторая группа воцерковлённые православные, хорошо относящиеся к Католической Церкви малочисленная нет мысли считают, что они и так своего поведения**

(Похоже, что российские протестанты будут относиться или к первой или ко второй группе).

И есть – , реально верующие во Христа и (в лучшем случае – чаще откровенно плохо) . Про католичество они знают мало; и одним из оснований отторжения являются как раз внешние формы. Люди – это люди. Им легче согласиться, что проблема «филиокве» несущественна, чем признать нормальным, например, обмирщение богослужения, светскость возрожденческих или постмодерновых изображений на стенах, музыкальное разнообразие, выходящее за всякие пределы сакрального (по их представлениям), отсутствие привычных молитвенных форм и бросание в автомат евро для того, чтобы перед иконой зажглась – лампочка!!! По одежке встречают – это не просто народная мудрость, но и известный психологический закон. Человек должен (и они как раз), чтобы начать обсуждать глубинное, внутреннее. И вот тут как раз и оказывается идеальным посредником византийский обряд Католической Церкви – такой же, но в единой Церкви. **третья группа воцерковлённые православные с подозрением относящиеся к католичеству внешние** *сначала увидеть совпадения*

на это следующее: весь наш опыт говорит, что воцерковлённые традиционные православные реже переходят в католичество, чем православные филокатолики. Разумеется, да – если вести речь об индивидуальных судьбах. Но это же происходит в нынешней ситуации – именно когда РКЦВО (Российская католическая церковь византийского обряда) никак не присутствует на российской арене; когда она вне миссионерского пространства; и вообще вне пространства актуального взаимодействия. Мало того: в ситуации, когда сами её члены затрудняют миссию именно среди третьей группы. Ведь если на католических форумах будет читать предложения о реформировании православного богослужения (то есть о том, как у вас, мол, всё неправильно) – и эти предложения как раз от российских византийских католиков – то в католичество он и не придёт. *Обычное возражение традиционный православный*

Если у нас есть что-то общее с Русской православной церковью и при этом не безумное, не вредное, не алогичное (всё-таки сколько святых и мирских подвижников на этом выросли), то это надо как раз всячески сохранять и подчёркивать – подчёркивать единство хотя бы в этом. А потом уже (после объединения) можно совместно думать, что менять – и надо ли.

Если РКЦВО станет, например, вести богослужения на русском языке, увеличит ли это число новых людей? Из первой группы – нет (они идут в латинский обряд); из второй группы – нет (они и так считают себя в единой Церкви); из третьей группы – уже никогда.

И тогда миссия сводится к случайным переходам наших друзей; а эффективность этого процесса уже продемонстрирована последним тридцатилетием.

Речь идёт именно о миссии РКЦВО. Просто евангелизировать людей может и Католическая Церковь латинского обряда. И для первой (самой массовой группы) она вполне подходит. А вот если так вышло, что католичество византийского обряда в России существует, и мы не думаем, что это некий случайный исторический артефакт, то нужно понять и своё собственное уникальное место – в том числе и через миссию. *Примечание 1.*

Конечно, и в мыслях нет того, что большинство традиционных православных, задрав штаны, побегут в РКЦВО. Побегут (не все и даже, может, не большинство, но много) только тогда, когда их священноначалие и просто начальство так решит, либо если РПЦ развалится (де факто, не обязательно де юре). Но если бежать вообще некуда, то и ждать некого – даже тех, кто мог бы прийти уже сейчас. *Примечание 2.*

Беда в том, когда мы описываем ситуацию (раз сейчас так, то и всегда будет так); а можно описывать : что нужно подготовить, чтобы при возникновении новых условий (которые часто возникают неожиданно), процесс пошёл быстрее. *статически динамически*

Ну а цель моя во всём этом одна: я хочу, чтобы все реально верующие российские православные (как и все люди) оказались во Вселенской Церкви. То, что этому может вредить – плохо. То, что даже гипотетически может помочь – хорошо.

Парадокс традиционализма

Наверное, всем понятно, что любой , то есть в развитии. Будь то живое существо или организация, будь то семья или система образования – и Церковь в том числе. Если не будет изменения, система умрёт, так как внешнее окружение, внешняя ситуация меняется стопроцентно, и старое перестанет соответствовать реальности. Если не будет сохранения, то, значит, бывшее умерло, а вместо него возникло нечто иное. То есть существенное, глубинное должно сохраняться, а конкретные формы его проявления с неизбежностью будут меняться. *организм живёт только при одновременном сохранении и изменении*

в том, чтобы . Если исчезнет существенное, внутреннее, содержательное, то исчезнет и сам организм. При этом не обязательно является невидимым, скрытым, спрятанным; оно практически всегда выражается . Например, любовь супругов друг к другу и детям – это не просто глубоко запрятанное чувство «в душе»; это множество конкретных действий: например, вспомнить про день рождения или иную дату заранее и подарить подарок (если для другого это важно – сколько бы мы ни считали, что это пережиток, что бюджет всё равно общий, что и так же он/она в курсе наших чувств); например, собираться за ужином за столом всем вместе; например, выходить в коридор и приветствовать приходящего с работы или с учёбы... В разных семьях разное, но всегда что-то есть. И цели образования тоже легко реконструируются из применяемых методов – из внешнего. Если на уроке литературы по шаблону пишут про «образ дуба» и «Некрасов о поэте и поэзии», то совершенно не важно, что написано в программе (а там написано «развитие творчества... нравственности... ответственности...»). **Первая проблема** не перепутать внешнее и внутреннее, существенное и формальное внутреннее во внешних формах

И отсюда (или продолжение первой): понять, (они не обязательно неправильные; они могут быть вполне хорошими, но при этом не обязательными; но могут быть и случайными, или соответствующими какому-то конкретному периоду – или да, ошибочными). **вторая проблема** какие внешние формы выражают главное, а какие нет

Когда говорят о традиции, о сознании традиционалистском, часто критерием выдвигают давность того, чего предлагает придерживаться человек. Мол, если пропагандирует нечто сложившееся в Средние века, то ретроград, а если что-то возникшее в последние годы, то свободный человек. Если ссылается на Ферраро-Флорентийский собор, то затхло-болотист, а если на любого Папу, здравствующего на сей момент, то просто свежий ветер в паруса Церкви.

И вот подтолкнули меня написать эту заметку три обстоятельства. Изложу по порядку.

Несколько лет назад я прочитал в «*Evangelii gaudium*» слова о том, что ; что . «...многие сильно укоренённые традиции сегодня уже интерпретируются по-другому... Давайте не будем бояться их пересмотреть! ...требовать исполнения предписаний, добавленных позднее Церковью, следует умеренно...» В этой фразе нет ничего необычного, неожиданного, но меня в том момент поразил изменившийся контекст, в котором эта фраза оказалась. Ведь это суждение, не адресованное в тексте напрямую никому, было про всех: про тех, кто формы религиозной жизни, в которых он вырос, к которым привык, которые практиковал, например, пятьдесят два года, принимает за вечное – а это же всего лишь та внешняя традиция, к чему ты привык в силу обстоятельств рождения и времени проживания; это может быть вполне суетное, сиюминутное. Ведь увещание Папы Франциска относится к любителям хороводных Месс, барабанного сопровождения Литургии, голых стен храма и т. п. – это ведь уже ставшее традиционным для множества людей, то, что слилось накрепко с верой, и поэтому любые попытки видоизменения сложившейся ситуации воспринимаются, как наезд на саму Церковь и попытка раскола. И новатором в этой ситуации парадоксально оказывается тот, кто призывает вслушаться в григорианское пение, как подспорье для молитвы; кто вспоминает, что вотивные таблички – это

знак нашей молитвенной связи с теми, кто жил до нас – с Небесной Церковью; кто предполагает, что наши предки были тоже не дураки, и, например, латинский и церковно-славянский язык не мешал им быть христианами и становиться святыми (а количество святости в 12-м веке во Франции или в 19-м в России было меньшим, чем сейчас? надеюсь, никто не начнёт эти подсчёты). *энциклике Папы Франциска не нужно жить прежними формами то, к чему мы привыкли, не обязательно хорошо*

Вторым событием стала при Кафедральном соборе. Я был докладчиком. И когда начал готовиться к беседе, то подумал, что для участников я, наверное, олицетворяю (то есть кондовость, упёртость, формализм – уж не знаю, что ещё, раз я больше десяти лет в Совете Una Voce Russia); но ведь в своей профессиональной жизни я тридцать лет занимаюсь у дошкольников, школьников и взрослых; занимаюсь развитием способности создавать новое, менять мир, менять себя. И важной человеческой чертой считаю стремление к новому «самому по себе», как это существует у детей: просто хочется чего-то другого, хочется наоборот, хочется изменения. Что, разумеется, не отменяет осмысленности этого «наоборот», так как творчество – не просто создание нового, но и решение задачи, то есть мышление – а в нём важно не просто подставить любой ответ, который приходит в голову, а найти ответ правильный, который помогает достижению цели. *беседа о творчестве в Мужском клубе традиционализм развитием продуктивного мышления и творчества*

А непосредственным поводом к написанию этой заметки стало третье – , современного иконописца. Архимандрит Зинов, насколько я знаю, входил в Попечительский совет Свято-Филаретовского института (думаю, для российских христиан понятно, что это не оплот «мракобесия», «платочконошения» и «славянобубнежа»; это детище отца Георгия Кочеткова), он публиковался фондом имени отца Александра Меня и вообще подвергался гонениям своего священноначалия за канонические нарушения. И вот он пишет не только о культе невежества среди тех, кто не хочет понимать существующее богослужение, но и непосредственно то, что меня сейчас зацепило: «То же самое и с древними знаменными распевами. Сейчас музыканты стали ценить их и исполнять, а раньше они считались варварской музыкой. Те, кто был воспитан на итальянских образцах, не понимали и не принимали их. Сегодня церковные люди тоже часто не понимают этих распевов. Тут, наверное, типично русская черта, о которой ещё протопоп Аввакум писал: „Как у нас что положено, так вовеки и лежи!“ К чему привыкли, того никак не сдвинуть». *книга архимандрита Зинова*

Но ведь что получается: оказывается, что этим . *привычным, несдвигаемым, кондовым являются не древние формы благочестия или архаичные формы богослужения, а именно «современные»*

Дело в том, что косное мышление – это мышление конкретного человека (как и любое мышление); и оно не имеет никакого отношения к историческому времени, которое этому человеку интересно. Мышление косное, неподвижное, упёртое черпает свои основания ; в окружающей наглядности; в своём собственном мнении и вкусе, которые в реальности, конечно, никакие не его собственные, а вполне сформированные окружающей средой и мейнстримом последних десятилетий. *в конкретном опыте данного человека, за пределами которого ничего нет*

Так называемый же церковный традиционализм позволяет выйти за пределы своего личного, непосредственного опыта, выйти . Любая попытка увидеть разное, непохожее, иное позволяет раскрепостить мышление, позволяет раскрыться истинному творческому потенциалу (творческому, то есть не разрушительному, а созидательному). То, что сейчас вокруг нас, может быть и отличающимся, но чаще в главных основаниях достаточно подобное друг другу; то, что было раньше, отличается стопроцентно; оно однозначно другое – именно внешне. И оно, разумеется, сложнее, потому что непривычно; а, значит, для его понимания требуется усилие, требуется размышление, требуется вчувствование, требуется образование, требуется

как раз своё действие – индивидуальное, субъектное, инициативное. *за пределы наглядности и биографического цикла*

А, во-вторых, традиционализм выводит учение Церкви – то есть опять-таки за пределы самого себя. Ты уже точно не критерий истины; ты должен искать и не удовлетворяться первым приходящим в голову ответом, потому что, если он просто твой первый попавшийся, то, скорее всего, неверный, так как ты черпаешь его из своего ограниченного опыта. Ты должен развиваться, чтобы понять то, чему не учила тебя обыденность – искать универсальное, чтобы через него и в нём уже строить свою собственную личность, которая именно в этом случае становится не суммой случайных воздействий пионерлагеря, средств массовой информации и соседки под партой, а раскрытием заложенного потенциала, отличающего именно тебя, создающего твою уникальность. *в вечное, неизменное*

А дальше остаётся отвечать на первые два вопроса, которые я упомянул в начале. И отвечать, разумеется, всё время.

В этом тексте я не говорил, что любое современное искусство отвратительно. *Примечание 1.*

В этом тексте я не говорил, что любое древнее благочестие превосходно. *Примечание 2.*

В этом тексте я не говорил, что любой, называющий себя традиционалистом, лучше, чище, честнее, добрее, нежнее, чем тот, кто оскорбляет его полуматерно за реальные и несуществующие грехи. *Примечание 3.*

В этом тексте я не говорил, что любой, кто ругает традиционалистов (в том числе и тот, кто не может ответить на вопрос, что это такое), является еретиком, блудодумом и тупицей. *Примечание 4.*

В этом тексте я писал о психологии, а не о богословии и вероучении. *Примечание 5.*

Любовь как действие

Когда я веду речь о христианском отношении к миру, то подразумеваю не все возможные вариации, приходящие в голову людям, называющих себя христианами в социологических опросах или даже регулярно посещающих храм; я буду говорить об отношении к человеку, которое вытекает из церковного учения и воплощается в не противоречащих ему религиозных практиках.

Чтобы понять какое-либо явление, включённое в более широкий контекст, необходимо учитывать и сам контекст. Нельзя дать истинную оценку, например, мыслям о воспитании Джона Локка, в которых есть место пропаганде телесных наказаний в отношении юных джентльменов, не прочитав главу «Об ассоциации идей» в его «Опытах о человеческом разуме». Фраза «Каждому – своё» может быть сутью справедливого правосудия в системе Цицерона, лозунгом индивидуализации обучения или человеконенавистнической формулой, если слова «Jedem das Seine» прибиты над воротами Бухенвальда.

Мы понимаем, например, что для раскрытия понятия гегелевской «абсолютной идеи» мало открыть словарь (или развернуть свой жизненный опыт) и найти определения слов «идея» и «абсолютное»; каждому ясно, что требуется изучить, как минимум, «Науку логики». Но так же анализировать взгляды и поступки людей, исповедующих христианство, нельзя, не понимая, что большинство своих идей они не формулируют, так как эти идеи уже написаны в Катехизисе и произносятся еженощно на богослужении, но при этом оторванные от оснований следствия могут показаться нелогичными и странными. Христианин основывает свои суждения, изначально исходя из Библии и учения Церкви, и его взгляды есть продолжение Священного Писания и Священного Предания.

Приведу несколько примеров постоянной неверной интерпретации суждений с религиозным содержанием, имеющей своим корнем как раз непонимание целостного мировоззрения автора высказывания.

. Авторство часто приписывается святому Игнатию Лойоле. На язык обыденного сознания переводится, как оправдание любых злодейств по отношению к людям: пытай, режь, жги, уничтожай, если считаешь, что ты прав. Как мы понимаем, релятивистская формулировка «если считаешь, что ты прав» не может быть руководством к действию в христианстве, ибо для христианина истина объективна, едина, реальна и базируется не на его субъективных предпочтениях или предположениях. И если мы удерживаем христианское понимание истины, то фраза сразу становится не просто логичной, но и никак не противоречащей здравой морали нормального человека: , что полученный в результате наших действий результат , то значит, применённые средства были правильными и моральными. Если результат точно добр (не «с нашей точки зрения», не гипотетически, не на семьдесят два процента, а точно добр) ... Если же так сказать про результат нельзя, то и оценить средства как невозможно. Понятно, что при постановке цели может произойти ошибка: благо было понято неправильно. Тогда и средства, которые привели ко злу, оцениваем, как злодейские. Очевидный пример, характеризующий формулу «цель оправдывает средства»: мучительная ампутация конечности без наркоза в условиях полевого госпиталя на Курской дуге, в результате которой спасена жизнь солдата. А то же уничтожение людей по национальному или сословному признаку, чтобы оставшиеся стали, с точки зрения проводящих зачистку, счастливее без инородцев или классово чуждых элементов, никакого отношения к игнатианскому суждению не имеет, так как не имеет отношения к истине и добру. *Пример 1.* «Цель оправдывает средства» если мы знаем *принёс добро точно благие*

Авторство приписывается Тертуллиану. Воспринимается как фраза о том, что верующий готов верить в любое недоказанное (недоказуемое) суждение, особенно в наиболее бре-

довое. При этом данная фраза является всего лишь силлогизмом с пропущенной посылкой (которая при этом известна читателю, находящемуся в целостном христианском контексте): а) , что это явление существует (оно истинно); б) это точное знание противоречит предшествующему опыту, и ; в) значит, нужно в него просто (то есть признавать истинность существования без возможности рационального доказательства). То есть точное знание не является следствием абсурдной веры; как раз с него начинается рассуждение. Существенной является истинность изначального факта, к которому утверждающий пришёл не путём логических умозаключений, исходящих из прежнего опыта, или в ходе научно организованного эксперимента, а путём иным: например, видел своими глазами или слышал от того, кому имеет все основания доверять. Абсурдное (с точки зрения обыденного разума и опыта) может являться только предметом веры, а не разума – в этом утверждении ничего абсурдного нет. *«Верую, потому что абсурдно».* **Пример 2.** *я точно знаю доказать его истинность путём логических размышлений невозможно верить*

Это не суждение какого-либо церковного авторитета, а, наоборот, проблематизирующий вопрос, призванный обострить противоречия христианского мировоззрения. Вопрос иногда приписывается Декарту, хотя, возможно, формулировался и ранее. Сразу поражает «схоластичность» вопроса (под «схоластичностью» в данном случае я подразумеваю не реальную средневековую схоластику, а то, в чём её многократно обвиняли, а именно: оторванность от всякой реальной проблематики). И действительно: Богу больше нечем заняться, как создавать камни, которые не сможет поднять? Но останемся в рамках рассуждения, не обращаясь к практике. Ответ очевиден: раз Бог всемогущ. И все последующие возражения о том, что здесь получается логическое противоречие, демонстрируют лишь непонимание спрашивающего, что такое Бог – кто такой Бог. Бог не просто очень умный, очень сильный, очень могущественный человек – Он иной. И именно поэтому Он никакими нашими правилами – в том числе и правилами формальной логики. И каким способом Он будет осуществлять замысел, поднимая неподъёмный камень, человеку неизвестно. Хотя, конечно, первый ответ про странность подобного причудливого времяпрепровождения для Бога уже вполне достаточен. **Пример 3.** *«Может ли всемогущий Бог создать камень, который не сможет поднять?» да, разумеется, не скован*

В целостной системе христианского мировоззрения человек неминуемо оказывается существом активным, так как перед ним стоит трансцендентная, запредельная задача, объективная, истинная, которую нужно решить, и для правильного (и необходимого) решения у человека принципиально , но для их применения необходимо самого человека, а для их применения требуется развитие человека, развитие его . *обязательно все средства есть свободное решение правильного разума*

Но это в отношении самого себя – а как быть действовать по отношению к другим?

И тут мы приближаемся к важному вопросу, часто искажённо представляемому в окружающей культуре. Все помнят, что главной христианской богословской добродетелью является любовь и что христианство требует возлюбить даже врагов своих. В данный призыв звучит капитулянтски, как требование признать другого , и не вмешиваться в его жизнь, а, значит, и отказ от активной социальной позиции (пусть даже этот социум муж, дети, свекровь, шуринодеверь и двоюродные братья) и другим творить зло. Чтобы разобраться с этой позицией, необходимо понять, что подразумевается под любовью в христианстве. *обыденном сознании таким, какой он есть негласное разрешение*

Для начала хорошо бы вспомнить фразу Значит, каждый раз, когда мы предлагаем определение любви или предполагаем какие-то её свойства, то можно попробовать представить, а могут ли такие характеристики быть качествами Бога. «Когда я люблю, меня всю трясёт и колбасит...» – Бога трясёт от любви к человечеству? «Я его так люблю, что придушила бы иногда...» – коли речь о бессознательной амбивалентности, то даже если мы не можем точно дать

определение Бога, мы, как минимум, понимаем, что Он не невротик. «Я люблю Машу, живу с Зульфией, мечтаю о Жозефине...» Но ладно – не будем все... **«Бог есть любовь».**

Любовь – другому человеку. Если это муж и жена, то их любовь – делание друг другу добра во всех сферах жизни (и интимной в том числе); если отношения менее близкие, то любовь – желание добра всегда и делание там, где есть сферы пересечения (невозможно облагодетельствовать весь мир, но желать этого, то есть быть готовым в момент соприкосновения с чьей-то жизнью помочь, делая добро, вполне можно). *деятельное желание добра*

Знать, что такое добро; желать делать добро; делать добро.

, что такое добро – именно добро, а не то, что считаешь добром по самому себе известным причинам; добро, а не то, что принято считать добром у других; добро, а не то, что написано в основополагающих документах партии и правительства. *Знать*

делать добро – а не просто радоваться неожиданным добрым последствиям своих поступков, которые вообще-то были направлены на достижение совсем иных целей, добру параллельных. *Желать*

добро – с реальным результатом, когда действительно, на самом деле, стало лучше. *Делать*

Знать, желать, делать.

Чтобы любовь действительно была божественной (христианской), мало только знать, что добро существует, и знать, что именно есть добро. Нужно ещё, на которого она обращена – кого любишь (именно знать – то есть иметь о нём истинное представление; знать его настоящего, такого, какой он на самом деле). И нужно уметь творить добро, то есть истинные представления о добре в реальность, чтобы ему стало действительно лучше. *знать и того человека уметь воплощать по отношению к конкретному человеку*

Мать может сколько угодно считать, что любит ребёнка и поэтому, заботясь о его здоровье, тратить безумное количество времени на укутывание его в сто одежек – но ведь этот незакалённый ребёнок будет в жизни болеть не реже, а чаще; тогда почему говорится о материнской любви, а не заполнении своего времени делами и переживаниями, не имеющими отношения к реальному ребёнку и его реальной жизни, зато оправдывающими невымытую посуду и бардак в прихожей? Отец может сколько угодно объяснять любовью запихивание сына в некий университет, перспективный для дальнейшей карьеры, расположенный близко от дома и славный тем, что в нём проректором работает двоюродный дядя Будулай Людовикович, но бессмысленные многолетние мучения студюозуса и его работа в будущем не менеджером в нефтяной промышленности, а продавцом в компьютерном салоне, театральным репортёром или оформителем витрин показывают, что ребёнок в этой «любви» был представлен в виде фанерной модельки для вырезания на ней своих собственных радужных картинок. Супруги могут годами измываться друг над другом, называя это любовью, но разве это есть Бог?

Любить трудно. Для этого нужно развивать мышление.

Может ли умный человек быть безнравственным?

Разумеется.

А может ли глупый человек быть нравственным?

Такой человек (неумный) нравственным может быть только случайно, так как даже при наличии у него желания нести другим добро (что тоже не всегда бывает), требуется, как отмечалось выше, не ошибиться в том, что такое добро; правильно понять особенности другого, иначе все наши попытки потерпят крах; и способность обнаружить, подобрать наиболее эффективные способы реализации наших стремлений. Речь сейчас идёт о «нормальных» людях (с психологическими особенностями в пределах статистической нормы), которые не реализовывают заложенный потенциал и не занимаются развитием своего интеллекта.

Понятно, что и любить врагов своих не только не означает помогать им в их злодействах, но даже и соглашаться с ними или молчать в их присутствии, не оспаривая их челове-

коненавистнические суждения. Любить врагов своих – это делать всё, чтобы им стало лучше: не в смысле увеличения зарплаты, количества любовниц, властных полномочий или иного их представления о собственном счастье, а в смысле приближения их образа жизни к образу жизни святого. Но найти способы их преображения, конечно, трудно; и христианин может найти в Священном Писании, документах Церкви и трудах Отцов Церкви и христианских подвижников только направления движения и общие принципы; а и лежит на нём, на его разуме, развитие которого является первейшим его . При этом, даже осознавая возможность ошибки, требуется всё равно совершать поступки – разумеется, продуманные и обоснованные. *обнаружение конкретных способов ответственность за их применение долгом*

Кстати, знаете, какое качество Отцы Церкви выделяли как главное в человеке, когда говорили про «»? *образ и подобие Разум.*

Развивающая догма

Понятия находится в одном смысловом поле вместе с понятиями и , и . Понятие лежит в иных смысловых пластах: оно ассоциируется с и , с и . Справедливо ли такое представление? *развитие свободы индивидуальности творчества разнообразия догмы традиционностью исполнителестью одинаковостью похожестью*

Христианская культура со стороны большинством воспринимается как культура нормативная и даже догматическая, то есть такая, в которой однозначно, неизменно определены важнейшие отношения человека с окружающим миром и людьми, изначально заданы правильные способы поведения и основные знания о жизни, которые становятся основой для суждений конкретных людей в различных ситуациях. Существующие в христианстве нормы справедливо описываются как религиозные, то есть основанные на , божественном авторитете, а, значит, и абсолютно и не подвергаемые критике и сомнению. *непререкаемом неизменные*

Результатом такой догматичности культуры должно, по широко распространённому мнению, являться зависимое поведение, инертное, несвободное мышление и настороженное отношение к новому. Типичный верующий представляется как зажатый, традиционный в поведении и мышлении. Те люди, которые оставили наиболее значительный позитивный след в истории (научной, религиозной, художественной и т.п.) часто рассматриваются как раз как отрицающие существовавшие нормы, выходящие за их пределы, разрушающие догматизм (и догматику).

В реальности же христианская культура именно в силу своей нормативности является культурой развивающейся и развивающей человека, позволяющей ему свободно осуществлять интеллектуальный поиск и строить свои взаимоотношения с окружающим миром.

Для того чтобы выстроить верное понимание реального поведения, необходимо анализировать целостную картину представлений, которые служат базой для размышлений и поступков людей. Человек, обладающий некоторой системой взглядов, далеко не всегда перед началом своих дел и рассуждений обозначает своё мировоззрение, особенно в тех случаях, когда оно всем вокруг известно (то есть перед современниками), потому что для него и для слушателей понятно, из какого источника проистекают его выводы. Так, например, священник, совершая богослужение, не рассказывает каждый раз подробно участникам Мессы Священное Писание и решения церковных соборов, но у присутствующих не возникают вопросы, почему он в какой-то момент становится на колени, воздевает руки или предлагает принять в себя Бога под видом хлебного опреснока. А вот у человека, незнакомого с данной культурой, всё будет вызывать вопросы, и, если у него не будет возможностей свою любознательность удовлетворить, то он может начать достраивать объяснения поступков этих людей, исходя из каких-то своих случайных представлений. В результате выводы чаще всего не будут иметь никакого отношения к наблюдаемой ситуации.

К сожалению, при анализе поступков христиан зачастую производится отрыв систем взглядов конкретных людей от той непроговариваемой основы, на которой базируются их суждения. Так, например, проваливаются все попытки более-менее связно объяснить историю святой Жанны д'Арк, , что она была психически здорова и , как верили в Бога (причём конкретного, христианского) и были психически здоровы и окружающие её люди. И именно утверждение о ненормальности психических процессов у каких-либо героев исторического процесса основывается всего лишь на непонимании или даже простом незнании нашим современником взглядов данного человека и рассмотрении его поступков вне реального исторического мировоззрения, а как раз с точки зрения абстрактного современного человека. Прекрасным примером является повесть Юрия Нагибина о митрополите Филиппе Московском, которого автор уважает и даже любит, но никак не может представить, что настоятель Соло-

вещного монастыря в Бога верит. И герой повествования, совершая добрые поступки, разворачивая широкую хозяйственную деятельность на островах, осваивая и внедряя новые для того времени технологии, всё время оправдывается, что, мол, вот приходится ещё и о Боге говорить, но это ж надо для людей – так лучше свои цели реализовать. Предположить, что вся деятельность героя как раз и происходит из веры в Христа; что именно она даёт и силы, и возвращает новые цели – это находится за пределами возможных предположений неглупого автора. *если отсутствует предположение действительно верила в Бога*

Если же понимать поступки людей (как в истории, так и в современности), исходя из их реального христианского мировоззрения, то обнаруживается, что смотрящееся случайно связанным, на самом деле оказывается логичным и закономерным, в результате чего отпадают многие вопросы и кажущиеся противоречия.

Характеризуя понятие нормы в христианской культуре и его значение для психологического развития человека, мы должны отметить две его существенные черты.

Христианское нормативное отношение к человеку, разделяется на две части: и . Одна из задач воспитателя (в данном случае родителя, священника, друга и т.п.) состоит в том, чтобы предъявить человеку образцы поведения и сообщить о последствиях их нарушения. Нужно объяснить природу требований и их неслучайные обоснования. Под последствиями нарушений нормы подразумевается, разумеется, не лишение сладкого, а онтологический аспект: нарушение норм поведения, то есть грех, ведёт к проклятию, лишению общения с Богом и попаданию в ад, то есть к вечным мукам. Произнесение слова «ад» страшно пугает католиков; но бояться надо не слова «ад», а ада. Когда я говорю о «предъявлении образцов поведения», нормы, то речь, разумеется, идёт не о том, чтобы выдать список норм и проверить их зазубривание, а в случае ошибочного повторения выпороть; педагогика и возрастная психология, к счастью, вполне себе существуют со своими достаточно эффективными, умными и человечными методами. «Воспитатель» делает всё, чтобы человек не совершил неправильного поступка, и поэтому честно однозначно говорит: смертный грех есть смертный грех. И грех – скрывать от человека последствия греха (хоть бытовые, хоть онтологические). Да, существует возможность искреннего покаяния (даже если оно произошло, как у разбойника, распятого на кресте вместе с Иисусом, в самый последний миг жизни – речь, разумеется, идёт не о формальном раскаянии, «подтверждённом» людьми, а о глубинном раскаянии, степень истинности которого определяет только Бог). Но так как час смерти никому не известен, то сохраняется огромная вероятность, что осознать и покаяться человек может просто не успеть. И поэтому для того чтобы сохранить человека (ребёнка, взрослого) от неисправимых последствий греха, упор делается именно на идею справедливой неотвратимости наказания. Грех, совершённый в земной жизни, влечёт за собой неизбежное наказание в жизни вечной, где ничего уже исправить нельзя. *до совершения человеком поступка*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.